

В Москве действует не один календарь, а несколько; вместе они сворачиваются клубком — повторяют друг друга, сходятся, расходятся и пересекаются во множестве мест. В точках пересечения встают праздники; их роль тут наиважнейшая. Они освещают наподобие ламп помещение московского года — гулкое и необъятное пространство времени. Это самое главное: праздники сообщают нам о пространстве времени. Для Москвы нет ничего важнее этого сокровенного сообщения

Содержание

<i>Вступление</i>	9
-------------------------	---

Первая часть

ПРЕДМЕТ МОСКВЫ

КАЗАНСКИЙ СПУСК.....	37
«МОСКВОДНО»	63
ПРОРОКИ.....	97
НИКОЛЬЩИНА.....	116

Вторая часть

ОТ РОЖДЕСТВА ДО ПАСХИ

РОЖДЕСТВО И СВЯТКИ.....	141
ДВЕ ЗИМЫ.....	173
СРЕТЕНИЕ.....	193
ПТИЧЬЯ НЕДЕЛЯ.....	219
ПАСХАЛИИ.....	243

Третья часть

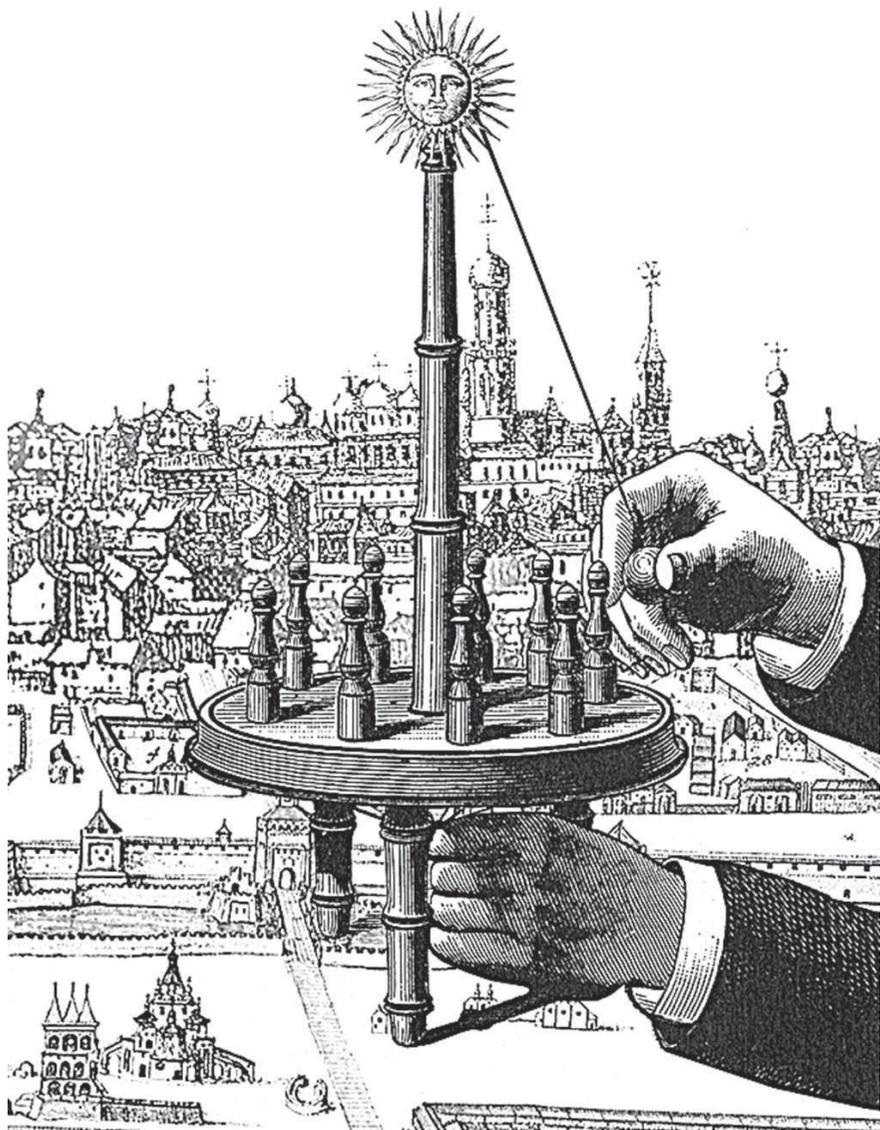
ЛЕТНЯЯ КНИГА

ГЕОРГИЕВСКИЙ СЕЗОН	263
ПОМЕЩЕНИЕ ТРОИЦЫ.....	292
ДВА ЛЕТА	316
О КРЕМЛЕ И КОЛОКОЛЬНЕ	331

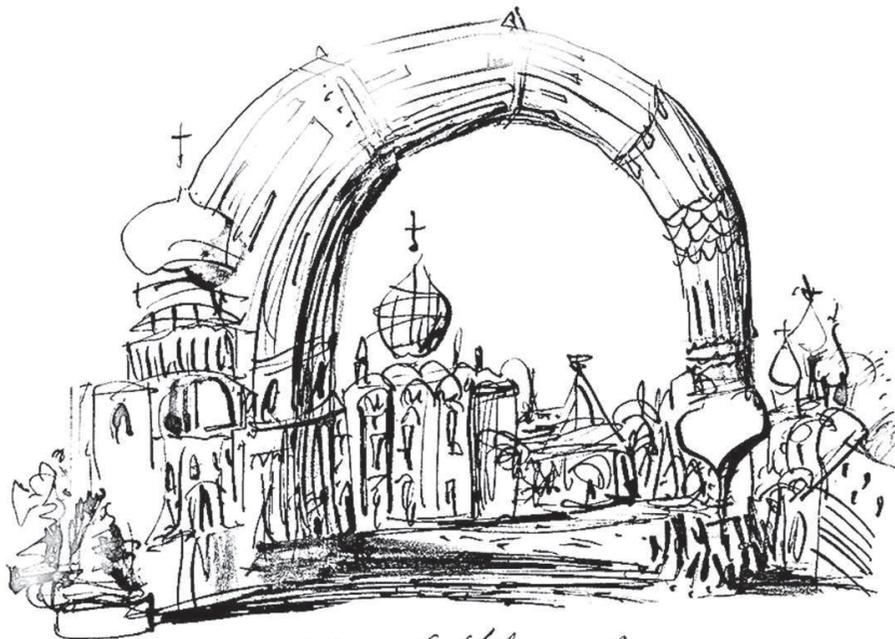
Четвертая часть

ПОВЕДЕНИЕ ВОДЫ

ЛЕТНЯЯ ПАСХА	353
ТРИ СПАСА.....	368
ПОВЕДЕНИЕ ВОДЫ	385
БАБЬЕ ЛЕТО	422
<i>Чертежи и зарисовки. ДВА КРУГА</i>	<i>449</i>
ПОКРОВ	462
<i>Заключение. ИНСТРУМЕНТ МОСКВЫ.....</i>	<i>483</i>
<i>Рустам Рахматуллин. Письмо архитектуры о Москве</i>	<i>493</i>

Monsieur Hamann

Как в Ивана Великого
крест вколотили?
Нагнули, да и воткнули

Эскиз к иллюстрации на тему пословицы
«Как в Ивана Великого крест вколотили? — Нагнули, да и воткнули»

Вступление

КАК НАЧИНАЛАСЬ ЭТА КНИГА

Начиналась эта книга не то чтобы праздно, так — достаточно свободно, без определенной надобности.

Я был занят другой книгой о Москве — полностью нарисованной, состоящей из одних картинок¹. Когда-то, лет пятнадцать тому назад, мне заказали картинки в журнале, и даже не в одном, а в нескольких; бывают такие совпадения: вдруг в нескольких местах потребовались картинки с пословицами. Я принялся рисовать.

Сразу выяснилось, что рисовать пословицы очень удобно. Не нужно выбирать сюжет. Другое дело — рассказ или повесть, где надо найти один персонаж, одну ситуацию или сцену, годную для иллюстрации. А тут не нужно выбирать: пословица — картинка. Простое равенство: рисунок равен слову.

Рисунок = текст. Знал бы я тогда, до чего доведет это равенство: *Москва не клином сошлась, околицы нет*. Что это значит? Нужно рисовать город целиком — бескрайний, без околицы. В одной фразе заключено довольно пространства; сиди, рисуй слово за словом.

Заказ я выполнил быстро. Кстати, больше всего пословиц оказалось о Москве.

Я стал их собирать и понемногу рисовать, уже для себя, по-прежнему не задумываясь, к чему это приведет. Может, выйдет серия или альбом, что-то в этом роде.

Все-таки начало было праздно.

Собирание пословиц не составило особого труда; в большинстве своем они уже были собраны. У Даля, Афанасьева и других собирателей фольклора

¹ Балдин А.Н. Москва. Портрет города в пословицах и поговорках. М.: Радуга, 1997.

их оказалось великое множество. К ним добавились выражения, близкие по смыслу, намеки на Москву и насмешки над ней. Что-то я услышал на улице — новые, недавно сочиненные выражения. Вместе собралось несколько сотен пословиц и поговорок. К каждой я постарался нарисовать картинку (или несколько, если выражение было многозначительно). Затем сложил их вместе — так вышла первая книга.

Слово и изображение переплелись в ней так, что составили подобие ковра. Собралась московская ткань, плотная и пестрая, подвижная, заворачивающая город в необъятный кокон. Страницы книги были оклеены ею, как обоями.

Я рисовал эту книгу семь лет. Вот чем обернулось равенство рисунка и текста.

*

Одновременно с рисованием происходило следующее. Каждая пословица, как ни была она мала, требовала разбора и толкования, дополнительного чтения, исследования и, главное, параллельного сочинения. Нельзя «дословно» иллюстрировать пословицы, нужно непременно при этом что-то сочинять, воображать свое, выдумывать Москву. Появились (нарисовались) заметки, комментарии и попутные рассуждения. Постоянно что-то записывалось — на полях, на соседних листах, на чем придется. Все это громоздилось на столе бумажной горой. Гора росла.

Постепенно стало ясно, что собирается еще одна книга — незаметно, как и первая; сама собой.

Скоро обозначилась главная тема этой книги.

Я опубликовал несколько заметок в газетах (взял с вершины бумажной горы). Первая появилась в газете «Сегодня»^{1*}; редактор городского отдела Екатерина

Меледина отнеслась к моему рисованию-сочинению с сочувствием. Затем их было напечатано еще немало, по разным газетам и журналам. Большей частью они посвящались московским праздникам. Так было проще пристроить материал: начав с праздника как повода для публикации — *в Москве каждый день праздник*, — я легко мог перейти к рассуждениям попутным и отвлеченным. История, философия, метафизика Москвы — все вокруг праздника. Покров или Рождество, или такой, скажем, как *обливание водой*, который прихо-

¹ Праздный день в Кремле // Сегодня. 1995. 2 сентября.

дился на 26 сентября, когда было положено бегать по улицам, поливая сограждан водой из всего, что попадется под руку. Каждый праздник мог дать повод к размышлению: что такое это удивительное явление (не город, но именно явление, состояние души) — Москва.

Эти праздничные истории легко подверстывались одна к другой. Так — опять-таки, само собой — выяснилось, что у моей еще не существующей книги есть главная тема: календарь московских праздников.

Тогда же я встретил Рустама Рахматуллина — писателя, московеда и большого энтузиаста исследования Москвы. Он работал в журнале «Новая юность»; в нем были опубликованы «эскизы» будущей книги, вступление и несколько глав¹.

*

И опять, как с первой, рисованной книгой, изначальная простота и легкость замысла (что может быть проще календаря?) привели к результату, которого я не планировал.

Сначала все шло, как задумывалось: один за другим «рисовались» праздники, церемонии, обычаи и обряды. Дальше, однако, все стало сложнее. В Москве действует не один календарь, а несколько — старый и новый, церковный и светский, официальный и народный, еще с десятков национальных и еще полный набор профессиональных праздников, не считая личных, имя которым легион.

Сравнивая, складывая их, я понемногу стал выяснять для себя некоторые закономерности в устройстве московского календаря. Сначала простые, затем все более сложные. В какой-то момент я даже принялся чертить его устройство. Занятым делом оказался этот «чертеж».

Календари совпадают и расходятся; вместе они составляют рисунок весьма своеобразный.

Этот рисунок не всегда точно соответствует счету месяцев. Я определил для себя, что праздничный календарь делится не на месяцы, а на сезоны. В этой книге их описано восемнадцать (можно насчитать и больше); они смеются один другой, вместе составляя единый циклический сюжет².

¹ Новая юность, 1997, № 3 (24).

² В 2000 году у своих друзей в газете «Первое сентября» я опубликовал цикл рассуждений о календаре; он печатался весь год, по одному выпуску в месяц. Совпадение показалось нам интересным: юбилейный год, 2000-й, самый круглый из всех возможных, и его обозрение — также круглое, циклическое.

Не только сюжет, но чертеж: праздники расставляют характерные точки на белой странице года. Опорные, исходные точки; между ними обнаруживаются смысловые связи (линии), общие сюжетные ходы, сходства и различия. Они образуют орнамент, искусно заплетенную сеть (времени). Легко представить себе сеть, сумку-авоську: праздники — узлы в этой авоське. Год помещается в прозрачную, но при этом удивительно прочную сеть из праздников; такова его форма в «пространстве», его характерное *целое*. Московский год представляет собой единую округлую фигуру, помещенную во времени.

Оно весьма просторно; мы, сознаем это или нет, постоянно пребываем в этом помещении московского времени. Для нас пестрая сумма московских праздников составляет некую душевную оболочку, необходимый, хоть и незаметный покров. Мы не просто их отмечаем: мы как будто оборачиваемся этим покровом, *оборачиваемся Москвой*.

КРУГЛЫЙ ГОД

Некоторое время я наблюдал эту фигуру.

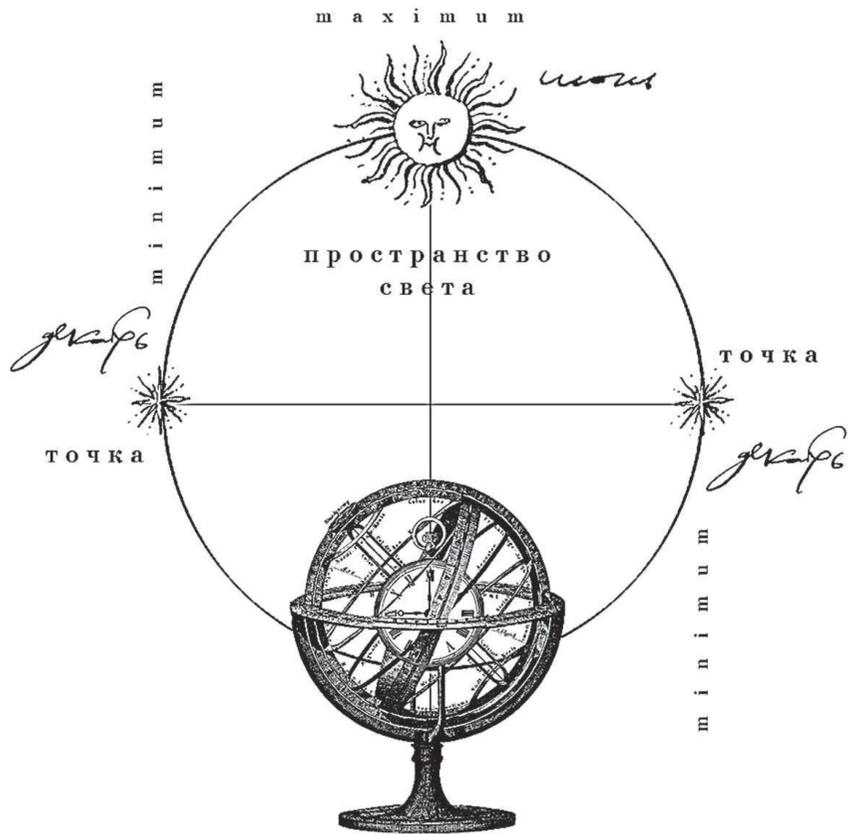
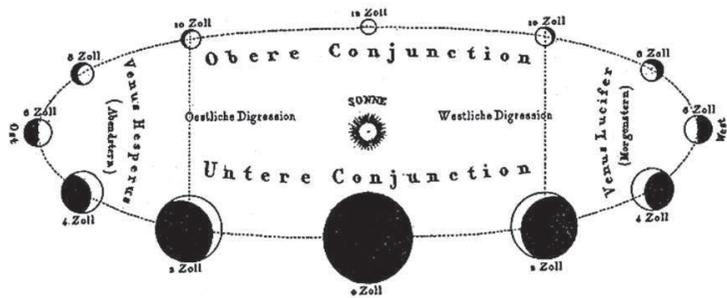
Самое интересное в ней то, что она никогда не остается неподвижна. Она как будто дышит, пульсирует: растет и затем опадает, как снежный ком. Год, согласно общему ходу праздников, растет из одной точки, округляется, превращается в шар, достигает максимума и затем опять постепенно сжимается в точку.

Представить это нетрудно, если понять, что исходная точка — это *точка света*. Пункт зимнего солнцестояния, когда мы наблюдаем минимум света: самый конец декабря и начало нового года. В начале года света мало, затем он начинает прибывать, к середине года достигает максимума и затем убывает, «сжимается» к декабрю обратно в точку.

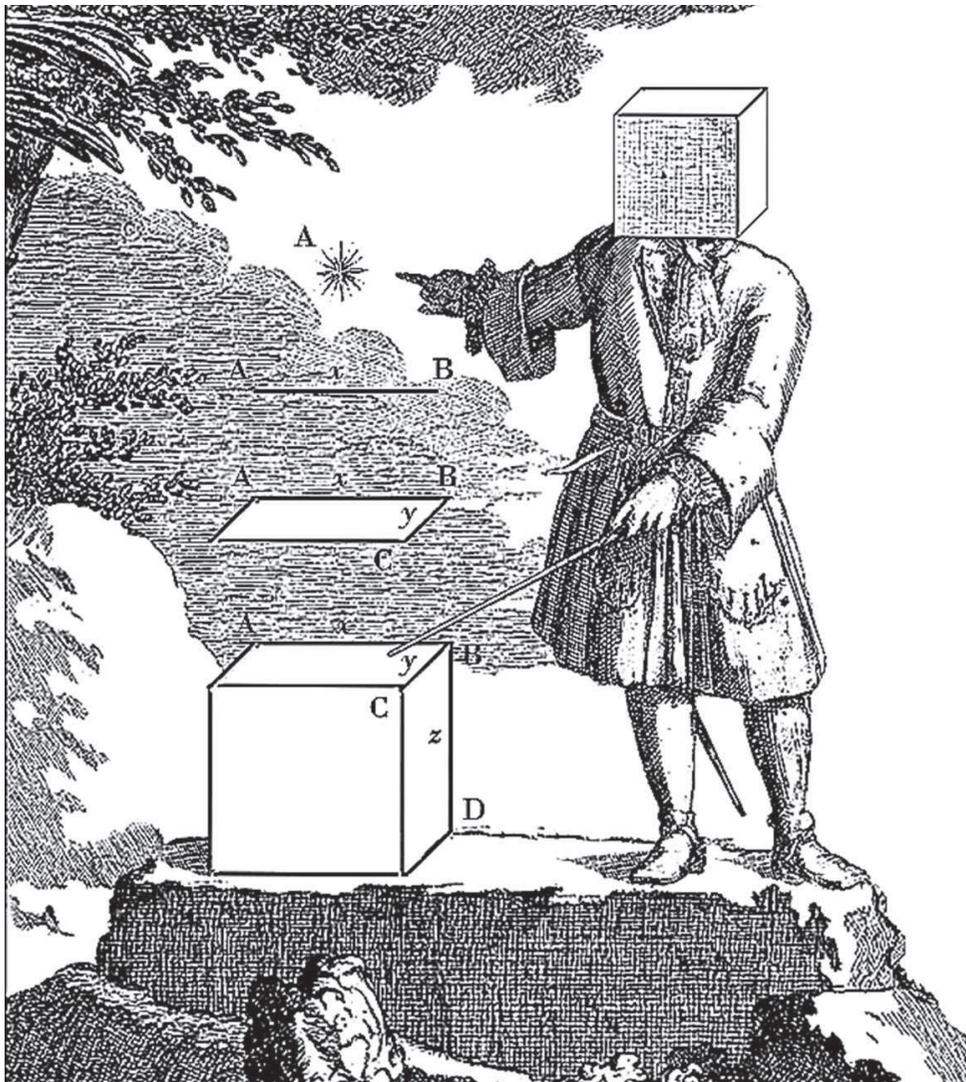
Этот пульс года довольно прост; к тому же он прямо соответствует астрономическому чертежу.

Шар дышит во времени — это похоже на Москву.

Вот что занятно: последовательность праздников указывает не только на крайние точки минимума и максимума света, декабрь и июнь, но и промежуточные позиции «роста» и «убывания» года. Каждая такая позиция отмечена характерным праздником (что это за *поэтические* праздники, я определил довольно скоро, и сейчас коротко об этом расскажу).

В Москве все начинается просто. Проще всего начать с круга: очевидно, что в основу календаря положен солнечный цикл. Лучше так: п у л ь с — от минимума света в декабре к максимуму в июне. Солнечный свет пульсирует, расходясь сферой и сжимаясь: такая «фигура во времени» подходит Москве

Вот другая композиция — кстати сказать, не слишком московская. Скорее, «немецкая» или пифагорова: в игру вступает геометрия — точки, линии и кубы. Так, согласно учебнику, в голове ученика растет пространство — из малой точки в куб, постепенно пребывая в числе измерений. Не иначе, эта постепенность досаждала Москве — ей все подавай сразу. Точное черчение наводит на Москву уныние; она согласна с «пифагоровым» учебником, растет в пространстве согласно его законам, но более интересуется временем. Она перелагает пифагоровы законы, отыскивая пространство в р е м е н и ; в этом заключается ее собственная потаенная грамота

Нужно разобраться с этими стадиями; в дальнейшем мы будем постоянно следить за ними: четверть года, половина, три четверти и так далее.

Москва — как Луна: сначала освещена на четверть, потом наполовину, летом полностью и так далее.

Тут могут возникнуть некоторые сложности, с которыми следует разобратся с самого начала.

На самом деле год в ощущении наблюдателя не растет, как воздушный шар, не «надувается» из малой сферы в большую. Наблюдатель иначе воспринимает его рост.

Год для него «раскладывается», постепенно пребывая в числе измерений.

Сначала мы видим точку света. Затем добавляется одно измерение: точка протягивается линией (линия *одномерна*). Линия расходится в плоскость — прибавилось еще одно измерение (плоскость *двумерна*). Наконец, плоскость разворачивается в пространство — оно *трехмерно*.

Точка — линия — плоскость — пространство. В принципе, и тут нет ничего сложного, все это известно нам со школы из уроков геометрии.

К примеру, так поэтапно растет воображаемое помещение в голове ребенка. Он так учится рисовать: от точки к линии, затем у него появляются плоские фигуры, и только после этого, далеко не сразу он приучается различать и воспроизводить пространство.

Я все это знал, принимал как нечто очевидное и некоторую игру: прикладывал к календарю точки, линии, плоскости и пространства — он без усилия складывался и раскладывался, как «пифагоров короб». Я наблюдал это и радовался: вот они, этапы «роста» времени — и вот они, соответствующие этим этапам праздники. Время в начале года растет по праздникам и к концу его убывает.

Есть день в календаре, когда в голове московского наблюдателя точка света протягивается линией, и есть соответствующий этому праздник. Есть день, когда эта линия (луч) растекается плоскостью света — и для этого есть праздник. Наконец, есть день и есть праздник, когда плоскость света разворачивается полным пространством.

Разумеется, сам по себе год не растет, тем более не раскладывается, как короб. Это происходит в нашем воображении, мы так воспринимаем прибавление и убывание света, но наше восприятие также подчинено некоторо-